

УДК 1:316.6

ГЕНДЕРНОЕ «ДЕФИЛЕ» ПОСТМОДЕРНА

Л.М. Богатова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена социально-философскому анализу одной из актуальных проблем современных научных исследований – пермутации гендерного текста культуры в ситуации постмодерна. Описаны кардинальные изменения, которые претерпевают гендерные архетипы классической культуры, выявлены социокультурные детерминанты, обусловившие глубинный метаморфоз маскулинной и феминной бытийностей. Особое внимание уделено техническому прогрессу как определяющему фактору данных трансформаций. Предпринята попытка рассмотреть процесс эмансипации в онтологическом измерении, в котором наиболее рельефно раскрывается деструктивный характер социального раскрепощения женщины. Автор отстаивает позицию о том, что в онтологическом контексте эмансипация имеет подражательный характер и порождает лишь иллюзию равенства. При вторжении в чуждую маскулинную бытийность облик и сущность женщины подвергаются необратимым изменениям, в которых усматриваются черты гендерной маскулинизации. Между тем в пространстве современной культуры глубокие преобразования испытывает и мужчина. Развернувшийся процесс феминизации маскулинности приводит к весьма оригинальному явлению, обозначенному автором как «атрофия маскулинности».

Ключевые слова: культура, постмодерн, гендер, онтология, эмансипация, феминная бытийность, маскулинная бытийность, мужчина, женщина, гендерная асимметрия

Современная культура представляет собой уникальное во многих отношениях явление. Кардинальные преобразования, охватившие все сферы общественной жизни, позволяют уверенно говорить о перерождении неоклассического культурного типа в иной принципиально новый исторический феномен, обозначенный исследователями как постмодерн. Нынешняя ситуация характеризуется непрерывным нарастанием хаотичности, многообразием форм и способов организации общественной жизни, сменой устоявшихся демаркаций в расстановке социальных сил, стиранием традиционно закреплённых различий, нивелированием любых жёстко заданных бинарных оппозиций. Культура постмодерна провозгласила неопределённую многоликость, бесструктурность, доходящую до крайних степеней социальной аморфности.

В водоворот происходящих перемен, по сути дела, оказались втянуты все общественные сферы, постепенно погружающиеся в состояние социокультурной мутации. Не осталась в стороне и область гендерных, полоролевых отношений. Более того, именно в ней в настоящее время происходят наиболее радикальные,

глубокие изменения. Во многом они связаны с коренным переосмыслением положения женщины в обществе, которая вышла из тени и становится вполне самостоятельным фактором истории.

XX в. – это время исторического реванша женщины за «всемирно-историческое поражение» [1, с. 60], которое она потерпела в древности. На протяжении тысячелетней истории, охваченной патриархатом, женщина находилась в зависимом, подчинённом положении от мужчины, который занимал доминирующие позиции в структуре общественных и, соответственно, семейно-брачных отношений. Долгое время она была «закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [1, с. 60]. Процессы эмансипации и феминизации, стремительно развернувшиеся в начале прошлого века, кардинально изменили соотношение гендерных сил. В ходе напряжённых социальных противостояний женщина всё же добилась равноправия с мужчиной. Получив всю полноту экономических, политических, юридических и прочих прав и свобод, она наконец-то стала самостоятельной, независимой, образованной, что позволило ей активно участвовать в общественной жизни, строить карьеру и т. д.

Однако, несмотря на бесспорные позитивные достижения, связанные с изменением феминных позиций в пространстве современной культуры, следует отметить, что процесс эмансипации в контексте философского анализа далеко не однозначен. Он намного объёмнее, сложнее и внутренне противоречивее, чем это видится некоторым представительницам интеллектуального феминизма, которые с неиссякаемой энергией ратуют за утверждение абсолютного равенства между мужчиной и женщиной и остро реагируют на малейшую дискриминацию по половому признаку, доходя порой до абсурда¹.

При всей внешней привлекательности и впечатляющих успехах эмансипация, по нашему мнению, представляет собой глубоко трагический процесс. Ещё в конце XIX – начале XX в., когда социальное раскрепощение женщины не приобрело столь масштабных и демонстративных форм, многие известные мыслители (Э. Фромм, Н.А. Бердяев и др.) высказывали предостережения относительно того, какими печальными последствиями для существования культуры может обернуться, если перефразировать слова Ф. Ницше, превращение женщины в приказчика (см. [2, с. 356]). В этом отношении заслуживает внимания подход, при котором эмансипация как своеобразный социокультурный процесс рассматривается на самом высшем теоретическом уровне, поскольку только в онтологическом измерении высвечивается фатальный, апокалиптический характер данного феномена.

Следует отметить, что онтологическое изучение асимметричной композиции культуры, а также анализ реструктуризации гендерных диспозиций, несмотря на актуальность и практическую значимость для определения тенденций

¹ Так, феминистское движение Испании организовало масштабную акцию протеста против изображения на дорожных знаках и светофорах символа пешехода, в котором феминисты усмотрели не абстрактного человека, а мужчину, с чем связали ущемление прав переходящих дорогу женщин. Идея была подхвачена шведскими борцами за женское равноправие (<https://ria.ru/mainline/20080506/106709691.html>).

В США и ряде западноевропейских стран приняты достаточно жёсткие законы, призванные защищать права женщин. В соответствии с некоторыми их положениями лёгкий флирт или неосторожное прикосновение могут расцениваться как сексуальное домогательство и повлечь достаточно строгие санкции (см., например, <http://www.un.org/womenwatch/osagi/pdf/whatishh.pdf>).

и перспектив дальнейшей трансформации культуры постмодерна, до сих пор не были осуществлены. Современные российские учёные, как правило, довольствуются аналитическим материалом, представленным историко-философской традицией, восходящей к немецкой и особенно русской религиозной философии Серебряного века, в рамках которых были созданы весьма оригинальные «метафизика пола» и «философия любви». В связи с этим полагаем необходимым представить ряд соображений относительно онтологического исследования гендерных метаморфоз, спровоцированных эмансипацией, охватившей неоклассическую культуру².

На наш взгляд, эмансипация представляет собой конкретно-исторический, динамичный процесс, своеобразное центробежное явление, которое, непрерывно разрастаясь, охватывает всё новые формы и уровни организации общественного бытия. Зародившись в эпоху капитализации как составная часть классовой борьбы женщин за свои экономические и политические права, она очень быстро проникла в сферу семейно-брачных, интимно-личностных отношений между мужчиной и женщиной. Эмансипированная женщина, решительно настроенная *стать во всём такой же, как мужчина*, начала болезненно реагировать на малейшее ущемление её прав, на любое проявление доминирования мужчины. Между тем логика онтологического анализа подводит нас к осознанию поистине трагического обстоятельства: процесс эмансипации при всей внешней привлекательности изначально задал ложную стратегию исторического движения женщины, обозначил тупиковый вектор её самореализации в культуре. Поясним почему.

Мужчина и женщина представляют собой две невозможные друг без друга бытийные инстанции. Как диалектические противоположности, они составляют некое единое антропологическое целое, в пределах которого не только взаимопредполагают, взаимодополняют, но и взаимоотрицают друг друга. Противостояние между двумя взаимоисключающими началами – имманентное свойство бытия, его неотъемлемая атрибутивная характеристика. Отрицание противоположной бытийности объясняется многочисленными различиями в анатомии, физиологии, рационально-мыслительной и эмоционально-волевой сферах мужчины и женщины. Именно это во многом предопределило общественное разделение труда в глубокой древности и подтолкнуло к созданию сугубо антропологического пространства, каким является культура. Напомним, что гендерная асимметрия, основанная на природно-биологических различиях полов, является одним из доминирующих факторов культурогенеза: благодаря гендерной неоднородности поэтапно созидалась, выстраивалась культура. Со временем в её пределах гендерное противостояние достигло крайней степени напряжённости и привело к такому социальному катаклизму, как порабощение женщины мужчиной. Одной из форм снятия напряжения между враждующими, взаимоотрицающими сторонами стала эмансипация, призванная выровнять сложившийся социальный дисбаланс гендерных сил. Однако важно подчеркнуть, что в онтологическом отношении сформированная модель гендерного равенства губительна для феминной бытийности по ряду причин.

² Автор уже обращался к данной проблеме и изложил свою позицию в ряде публикаций, в том числе монографического характера (см., например, [3]).

Во-первых, в онтологическом смысле эмансипация не даёт и не может дать полного равенства между мужчиной и женщиной в качестве особых бытийных инстанций. Социальное раскрепощение женщины создаёт лишь иллюзию равенства, оно не проникает, если говорить в стилистике русской религиозной философии, в андрогиническую тайну человека. В этом отношении совершенно справедлива онтологическая оценка процесса эмансипации, данная Н.А. Бердяевым. Указывая на противоречивый характер стремления женщины быть во всём равной мужчине, он пишет: «Женское эмансипационное движение по существу своему – карикатурно, обезьянно-подражательно, в нём есть гермафродитическое уродство и нет красоты андрогинической. Идея женской эмансипации доныне покоилась на глубокой вражде полов, на зависти и на подражательности. <...> Женщина механическим подражанием из зависти и вражды присваивает себе мужские свойства и делается духовным и физическим гермафродитом, т. е. карикатурой, лжебытием» [4, с. 199].

То, что эмансипация приобрела подражательный характер, было с самого начала предопределено объективной логикой общественного развития. Работая наравне с мужчиной, женщина стала настойчиво добиваться права *жить как мужчина*, постепенно занимая не свойственные ей ранее социальные роли и проникая в чуждое бытийное пространство. Так, она освоила традиционно мужские в прошлом профессии (врача, юриста, педагога, и т. д.), существенно обогатила свой гардероб, заимствуя у мужчины и покрой, и стиль одежды; она даже приобщилась к дурным мужским привычкам – от табакокурения и употребления алкоголя до соблазнов «свободной любви». Но самое главное, произошло искажение, кардинальная смена исконно феминных ценностей, которые женщина по своему природному назначению реализовывала в браке, семье и материнстве. Тревогу вызывает исчезновение из пространств культуры постмодерна того, что многие философствующие умы называют «вечно женственным»³, воплощающим истинное женское бытийное начало. Современная эмансипированная женщина ведёт себя буквально как мужчина: она решительна, агрессивна, целеустремлённа, умеет принимать жёсткие решения, откровенно сексуальна, материально независима, успешна, ориентирована на карьеру, а не на дом, семью, мужа и детей. Представленный портрет настолько узнаваем, что не требует особых комментариев, он порождает лишь один вопрос: является ли такой человек женщиной? При этом подчеркнём: внешнее подражание мужчине, к которому невольно подтолкнула женщину эмансипация, не приводит к подлинному, истинно-бытийному равенству, которое в онтологическом смысле достигается лишь в пределах андрогинической целостности человека.

Во-вторых, в ситуации постмодерна прослеживается возрастающее деструктивное воздействие эмансипации на феминную бытийственность. Складывается парадоксальная ситуация: на социальном уровне женщина раскрепощена и свободна, в качестве субъекта общественной практики полностью равна мужчине, но в онтологическом плане со всей очевидностью выявляются симптомы деформации феминности, ведущие к её перерождению в качественно

³ Образ, использованный И.В. Гёте в завершающих строчках второй части «Фауста». Идея вечной женственности была распространена и в интеллектуальной среде Серебряного века.

иное бытийное состояние. Диалектика социального раскрепощения женщины состоит в том, что её движение вперёд оборачивается приближением к концу, к некому трагическому финалу – исчезновению женщины как противоположности мужчине. На эту тему в конце XIX в. рассуждал Ф. Ницше, который одним из первых предвидел опасность, таившуюся в эмансипации. Он писал: «...Женщина вырождается. Это происходит в наши дни – не будем обманывать себя на сей счёт! Всюду, где только промышленный дух одержал победу... женщина стремится теперь к экономической и правовой самостоятельности приказчика: “женщина в роли приказчика” стоит у врат новообразующегося общества. И в то время как она таким образом завладевает новыми правами, стремится к “господству” и выставляет женский “прогресс” на своих знамёнах и флажках, с ужасающей отчётливостью происходит обратное: *женщина идёт назад*» [2, с. 356].

Подобного рода заключения, несомненно вызывающие тревогу, основаны на онтологическом анализе происходящих в культуре перемен, которые во многом спровоцированы изменением социального положения женщины. Сфера рассматриваемых отношений в настоящее время охвачена процессами, которые в онтологическом контексте можно назвать *гендерной диффузией*: происходит *взаимопроникновение* феминной и маскулинной бытийственности, что в конечном итоге приводит к глубокой трансформации, сущностному перерождению как женщины, так и мужчины. В культуре постмодерна нивелируются резкие гендерные демаркации и наблюдается своеобразное движение полов навстречу друг другу. В результате на фундамент естественно-природных различий между мужчиной и женщиной надстраивается противоположная, не адекватная биологическому полу, гендерная, полоролевая структура, вследствие чего создаются гибридные формы в виде «маскулинной феминности» и, соответственно, «феминной маскулинности». Эти «гендерные кентавры» – результат процесса «деструктивного созидания», в ходе которого разрушаются гендерные архетипы классической культуры, сформированные на основе чёткой бинарной оппозиции мужчины и женщины.

Необходимо отметить, что гендерная диффузия, катализируя процессы своеобразного дрейфа полоролевых позиций в направлении всё большего сближения, приводит скорее к деформации и искажению бытийностей, чем к гармонизации взаимоотношений. Первоначальное стремление женщины жить как мужчина трансформировалось в желание быть как мужчина. По всей видимости, ещё не пришло осознание того непреложного обстоятельства, что «стать *как* мужчина» отнюдь не означает «доподлинно *быть* мужчиной». По ряду глубинных причин женщине никогда не удастся проникнуть в сущность противоположной, маскулинной бытийственности и всецело присвоить себе онтологическую самость мужчины, овладеть ею безраздельно. Она никогда не сможет занять мирозданческого места мужчины в качестве созидательной, продуцирующей силы. Внешние изменения, основанные на подражании, создают причудливые, в определённом смысле уродливые формы, демонстрирующие перерождение женщины, в котором усматриваются явные признаки её онтологического завершения, краха её бытийности.

Происходящие в ситуации постмодерна гендерные трансформации – процессы обоюдные, они затрагивают как женщину, так и мужчину. Последнему также не удалось избежать ряда негативных влияний, обусловленных эмансипацией и социальными катаклизмами, сопровождающими современную культуру. Не будет преувеличением утверждать, что в онтологическом смысле мужчина претерпевает не менее глубокий гендерный метаморфоз, чем женщина, и последствия этого могут радикально отразиться на его бытийном статусе. Речь идёт о набирающем динамику процессе, который можно назвать *атрофией маскулинности*.

Содержание этого нового, исторически уникального явления заключается в обозначившихся тенденциях ослабления маскулинного тонуса культуры постмодерна. Так, наблюдается невостребованность исконно маскулинных качеств, которые традиционно составляли социальный типаж «настоящего мужчины». Это сила, мужество, отвага, стойкость, выдержка, смелость, преданность, надёжность, решительность, верность слову, делу, женщине, высокая ответственность, служение долгу и прочие морально-этические характеристики, приобретённые мужчиной под давлением конкретно-исторических обстоятельств. В нынешней социокультурной ситуации монопольное обладание доподлинно маскулинными свойствами для мужчины, очевидно, заканчивается. У него появился достаточно сильный, напористый соперник в лице женщины, которая неотвратимо приближается к разрушению единоличного права мужчины быть мужчиной. Развернувшаяся маскулинизация феминности – яркое тому подтверждение. При этом необходимо указать на одно существенное обстоятельство. Дело в том, что в пространстве современной культуры маскулинность не угасает как бытийная инстанция, а массово перемещается к новому носителю – женщине. В результате «маскулинная маскулинность» атрофируется, а «маскулинная феминность», напротив, процветает.

Трансформация маскулинности как компонента гендерной структуры обусловлена причинами различного порядка. В рамках настоящей статьи хотелось бы подробнее остановиться на такой детерминанте гендерных изменений, которая по странному стечению обстоятельств до сих пор не вызвала пристального научного интереса, а именно на техническом прогрессе.

Напомним: в глубокой древности, в период появления земледелия и ремёсел, физические данные выдвинули мужчину на лидирующие позиции в родовой организации, что в конечном итоге привело к его доминированию в обществе сначала в качестве добытчика и защитника, затем воина и работника. Бурное развитие техники, повлёкшее модернизацию процесса производства, подтолкнуло сделать первый, по сути, роковой шаг в направлении невостребованности той физической силы и энергии, которыми так щедро наделила мужчину природа. Технический прогресс, следуя объективной логике общественного развития, запустил механизм поэтапной атрофии маскулинных свойств. В современной культуре прослеживается тенденция непрерывного сужения пространства, в пределах которого всё ещё остаётся незаменимой естественно-природная маскулинность. Техника уравнила физические возможности мужчины и женщины, превратив эти данные во второстепенный компонент, не имеющий принципиального значения для профессиональной и общественной статусности его

обладателя. Действительно, для чего нужны крепкий торс и внушительная мускулатура, например, менеджеру или финансовому аналитику?

За этим, на первый взгляд, банальным вопросом кроется глубокая проблема онтологического порядка, выводящая на так называемую метафизику тела. В её пределах телесность рассматривается как особый антропологический экзистенциал, не безразличный к имманентной сущности или самости человека, а, напротив, имеющий непосредственную связь с архитектурой его внутреннего мира и во многом определяющий эмоционально-психологические и нравственные особенности, что чётко выражено в тезисе З. Фрейда: «Анатомия – это судьба»⁴ [5].

Воздействие на тело со стороны культуры человек всегда переживал болезненно и мучительно, поскольку ограничение желаний и потребностей, порождённых самой природой, как правило, сопрягалось с ограничением свободы. Культура, как скульптор, лепила, выстраивала тело человека в соответствии со сложившимися ценностными нормативами, по своему усмотрению отсекая всё лишнее и ненужное.

Эволюция техники имеет самое непосредственное отношение к трансформации антропологической телесности. Значительно изменяя образ жизни человека, делая его существование более комфортным, технический прогресс приводит к не востребуемости не только физических данных мужчины, но и его эмоционально-волевых, морально-этических характеристик. Новые изобретения, будь то паровая машина или компьютер, постепенно поглощают, разрушают и тело, и душу своего создателя – мужчины. Иными словами, они инициируют синергичный по внутреннему содержанию процесс онтологического саморазрушения мужчины. Анализ происходящих с маскулинной телесностью пертурбаций, вызванных далеко не в последнюю очередь техническим развитием, позволяет заключить: видоизменяясь внешне, мужчина радикально преобразуется внутренне.

Стремление мужчины сохранить, укоренить свою мужественную телесность предельно важно, поскольку разрушение тела, его онтологическое исчезновение чревато завершением «себя» как бытийной единицы. Подсознательное мужское желание стабилизировать и воспроизвести свой онтологический бытийный статус в исторически сложившихся конфигурациях спровоцировало, в частности, такое неоднозначное явление постмодерна, как бодицентризм.

Популярность фитнес-культуры и бодибилдинговых тренировок, казалось бы, отражает заботу людей о состоянии собственного тела. Правда, активные манипуляции с телом, от истязания на тренажёрах до коррекции методами пластической хирургии, ведут не столько к его оздоровлению, сколько к созданию некой искусственной телесности – симулякра. Телесный симулякр представляет собой мнимую сущность, не находящую применения по своему прямому назначению в реальности. Накаченные мышцы не для силы, женская грудь из силикона не для кормления ребенка. Это некие фантомы телесности, которые играют роль внешних атрибутов в демаркации всё ещё сохраняющихся гендерных различий. Тем не менее стремление мужчины придать своему телу рельефные

⁴ Фраза Наполеона, повторённая З. Фрейдом. На русский язык также переводится: «Анатомия решает судьбу» [5].

маскулинные конфигурации (хотя и не на полях сражений, а в тренажёрном зале) в определённой степени оказывает благоприятное воздействие на консервацию и тиражирование признаков мужественности.

Другим фактором, препятствующим сохранению маскулинной бытийности, является процесс феминизации маскулинности, который, наряду с маскулинизацией феминности, о чём речь шла выше, в полном соответствии с диалектической методологией непрерывно набирает силу. Выхолащивание из нормативов современной культуры свойств, системное взаимодействие которых порождает феномен мужественности, приводит к глубокой реструктуризации гендера маскулинного типа: в его композиции всё более явно просматриваются очертания феминности.

Гендерная трансформация маскулинности охватила различные сферы общественной жизни – от материально-производственной и профессиональной до межличностной и семейно-брачной. Например, в настоящее время наблюдается процесс своеобразной профессиональной гендерной миграции: женщины активно осваивают традиционно мужские специальности, а мужчины – женские. Самореализация современного мужчины порой осуществляется через весьма неожиданный род занятий: визажисты, стилисты, косметологи, модельеры, маникюристы, продавцы-консультанты в магазине женской одежды и т. д. Молодые (и не только) мужчины активно осваивают стиль и аксессуары женской моды: парфюм, мелирование, эпиляция, серьги, браслеты, пирсинг. Этот процесс породил нового персонажа постмодерна – метросексуала, для которого характерно пристрастное, не свойственное мужчине в прежние исторические эпохи отношение к собственному внешнему виду.

Помимо внешних, ярко выраженных признаков гендерной феминизации маскулинности, происходит ослабление позиций мужчины в сфере семейно-брачных отношений, что для состояния культуры даже более болезненно. Так, наметилась тенденция разрушения традиционной патриархальной семьи и укрепления семьи эгалитарной, основанной на материально-экономическом и бытовом равенстве супругов. Для социальной статусности мужчины существенно снизилась значимость ролей мужа и отца. Временное сожительство (конкубинат), гостевой брак, пассивное отцовство («воскресный папа») – это всё симптомы разрушения патриархальной семейной композиции и, соответственно, признаки завершения гендерного лидерства мужчины в институтах брака и семьи. Даже в сфере интимных отношений раскрепощённая сексуальной революцией женщина перехватывает инициативу, и теперь уже мужчина становится, если перефразировать слова Ф. Энгельса, рабом её желаний (см. [1, с. 60]).

Итак, происходящие перемены в гендерной сфере постмодерна настолько глубоки и радикальны, что правомерно вести речь о пермутации гендерного текста культуры. Смена феминных и маскулинных диспозиций, своеобразный дрейф полоролевых структур, которые не только сближаются, но и взаимопроникают, меняются местами, – всё это создаёт беспрецедентную социокультурную ситуацию: мужчина и женщина становятся одинаковыми.

Наращение гендерной однородности, превращение мужчины и женщины в некую среднеарифметическую единицу, по нашему мнению, могут иметь для культуры поистине катастрофические последствия. Гендерная одинаковость

ведёт к социальной эрозии таких общественно значимых институтов, как брак, семья, отцовство и материнство, она негативно отражается на эмоционально-психологических, сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной, кардинально переверачивая традиционные представления о сущности половой любви. Об этом в своё время предупреждал Э. Фромм, когда писал: «Полярность полов исчезает, и вместе с ней исчезает эротическая любовь, основывающаяся на этой полярности. Мужчины и женщины делаются одинаковыми, а не равными как противоположные полюса. Современное общество проповедует такой идеал обезличенного равенства, поскольку нуждается в человеческих атомах, не отличающихся друг от друга, чтобы заставить их функционировать в массовых скоплениях гладко и без трения» [6, с. 33]. В этом отношении все прежние гендерные драмы могут обернуться на подмостках постмодерна величайшей трагедией с весьма печальным финалом – онтологическим завершением её персонажей.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1961. – Т. 21. – С. 23–178.
2. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 238–406.
3. *Богатова Л.М.* Эмансипация: finita la femina? (Опыт социально-философского исследования). – Казань: Центр инновацион. технологий, 2009. – 90 с.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М.: Искусство: Лига, 1994. – Т. 1. – С. 37–341.
5. *Фрейд З.* Об унижении любовной жизни // Очерки по психологии сексуальности. – М.: МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1989. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fr_O/06.php, свободный.
6. *Фромм Э.* Искусство любить. – М.: АСТ: Neoclassic, 2016. – 224 с.

Поступила в редакцию
20.06.16

Богатова Лариса Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: bolami@inbox.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 4, pp. 1136–1145

Gender “Parade” of Postmodern

L.M. Bogatova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *bolami@inbox.ru*

Received June 20, 2016

Abstract

The paper is devoted to the social and philosophical analysis of one of the important problems of modern gender studies, i.e., permutation of the gender text of culture in postmodern situations. Radical changes in the gender archetypes of classical culture are described. Sociocultural determinants causing deep metamorphoses of the masculine and feminine realities are revealed. Special attention is paid to the technological progress as the crucial factor of these transformations. An attempt is made to analyze the process of emancipation in the ontological sense, in which the destructive nature of social liberation of women manifests itself most boldly. The position is defended that emancipation in the ontological context has the imitative character and generates only the illusion of equality. When intruding upon the alien masculine reality, the appearance and inner essence of women undergo irreversible changes bearing the signs of gender masculinization. At the same time, men are also subjected to deep transformations in the space of modern culture. The ongoing process of feminization in masculinity results in the very original phenomenon called “atrophy of masculinity” by the author of this paper.

Keywords: culture, postmodern, gender, ontology, emancipation, feminine reality, masculine reality, man, women, gender asymmetry

⟨ *Для цитирования:* Богатова Л.М. Гендерное «дефиле» постмодерна // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1136–1145. ⟩

⟨ *For citation:* Bogatova L.M. Gender “parade” of postmodern. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1136–1145. (In Russian) ⟩